

Талышская библиотека

Собрание историко-этнографических материалов о Талыше и талышцах

Москва-Ленкорань 2007

Материал № _____

Краткая аннотация:

Поездка Б. Миллера в Талыш в 1925 г. Описание края и этнографич. работа в крае. Талыши, их поэзия. Численность, расселение, связи с иранскими народами. Шииты и сунниты. Племена дережи и чарожи. История изучения талыш, языка, особенности грамматики, влияние тюркского наречия. Объём – 13 стр.

۱۰۹۳۱ پروفه سسور ب. و. ميللهر.

۱۹۲۵ نجى يىلڭ يايىندا تاليشا گيديش حقدە
ابتدائى محسوبات.

Проф. Б. В. МИЛЛЕР.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ОТЧЕТ
О ПОЕЗДКЕ В ТАЛЫШ ЛЕТОМ 1925 г.

(Донлад, читанный на заседании Историно-Этнографической Сенции Обще-
ства 14-го сентября 1925 года).

ИЗДАНИЕ
Об-ва Обследования и Изучения
АЗЕРБАЙДЖАНА.
Баку. 1926 - باكسو

435/7
67

Предварительный отчет о поездке в Талыш летом 1925 г.

(доклад, читанный на заседании Истор.-Этнограф.
Секции О-ва 14/IX 1925 г.)

Предпринятая мною этим летом, благодаря любезному содействию Общества Исследования и Изучения Азербайджана, поездка по Талышу, продолжавшаяся, включая мое пребывание в центре его—гор. Ленкоране, —один месяц (10 авг.—10 сент.),—является моим вторичным посещением этого интересного края. В первый раз я в нем побывал 23 года назад в свои студенческие годы, когда, задавшись целью ознакомиться с талышским языком, я провел в Талыше около полутора месяца, причем побывал в южной части края, на низменности до Астары, и предпринял две поездки в горный округ Зуванд, посетив сельские общества Келевез, Люлякеран, Вери, Оранд и Лерик. Результатом тогдашней поездки явилось некоторое количество записей талышского языка,—образцов как разговорной речи, сказок и повестушек и т. п. и т. наз. «махне»,¹⁾ поэтических четверостиший, распеваемых талышской молодежью. Этот материал за долгие истекшие с того времени годы остался мною неиспользованным: мне вскоре затем пришлось уехать на мусульманский зарубежный Восток и жить там многие годы в условиях, не всегда благоприятствовавших научной работе и изданию лингвистических текстов. В 1919 г., когда я работал в Петрограде в кавказской секции академической Комиссии по изучению племенного состава России, возглавлявшейся академиком Н. Я. Марром, мне снова пришлось заняться талышами. Мои беседы с ак. Марром и, отчасти, фактический материал по языку и быту талышей, мною ему тогда сообщенный, направил его внимание на этот интересный народ. Н. Я. Марр в археологических памятниках края, в языке талышей и, вообще, в их материальном и духовном быте старался усмотреть следы их яфетической подпочвы и установить их связь с остальным яфетиче-

¹⁾ В транскрипции талышских слов я для настоящего отчета пользуюсь обычным русским алфавитом, и потому ни на какую научность она не претендует. Вообще, я прошу иметь в виду, что данный отчет является именно предварительным, что под рукой у меня не имеется, за немногими исключениями, необходимых книг и справочных изданий, нет сколько-нибудь подробной карты прилегающих к Талышу областей Персии, и что я часто ограничиваюсь только собственными рукописными заметками по Талышскому краю и языку, составлявшимися мною в разное время.

ским миром Кавказа. ¹⁾ Результатом занятий Н. Я-ча явилась его работа о Талыше, изданная в трудах упомянутой комиссии в 1922 г.—Моими заданиями в настоящую поездку по Талышу, к сожалению слишком кратковременную, явилось—освежение моих сведений по языку, проверка уже имеющихся у меня материалов, а главное, запись новых текстов из разных областей фольклора; кроме того, я хотел посетить некоторые интересовавшие меня местности, необследованные мною в отношении языка в мою первую поездку, и выяснить неясный для меня вопрос, не имеется ли в талышском языке поднаречий. Между прочим, на пути в Талыш, в Баку от местных краеведов я узнал о недавно отмеченном в Талышском крае каком-то совершенно неизвестном народе «дережей» (деришей), говорящем, будто бы, на никому непонятном языке. Обследовать этот народец тоже представлялось желательным.

Талыш, как известно, занимающий южную часть Ленкоранского уезда, в географическом отношении делится на три полосы: прибрежную низменную, с крайне влажным климатом, довольно узкую (верст 15—20 в северной части, верст 8—10 к западу от Ленкорана и верст 5 у Астры, на юге), на которой в многочисленных и часто зажиточных селениях живет главная масса талышей, занимающаяся разведением рисовых плантаций (чалтыков),—на гористую-лесистую, в которой в узких долинах многочисленных речек, стекающих с Талышского хребта в Каспий, живет разбросанными усадьбами редкое и сравнительно бедное население,— и на высокогорную сухую полосу, расположенную близ персидской границы, составляющую климатически полную противоположность первым двум полосам, на которой в безлесных горных котловинах население наряду с земледелием (пшеница, ячмень, картофель) занимается и скотоводством, что обуславливает полукочевой образ жизни некоторых групп горцев (напр. орандцев, аларцев).

В настоящую поездку я посетил все три полосы: сперва селения, расположенные на низменности к северу от Ленкорана, выясняя границу талышского и тюркского языков, затем побывал опять в южной части уезда, но на этот раз в непосещенных мною ранее суннитских селениях (большинство талышей—мусульмане-шииты),—и, наконец, проехав через лесную полосу, по двум маршрутам, я опять посетил горный район Зуванд, причем самый крайний пункт, мною достигнутый, было селение Мистан. Как во время раз'ездов, так и в самом Ленкоране мною было записано довольно много текстов, и сейчас собранный мною материал, вместе с прежним, состоит из: 1) нескольких длинных сказок на сюжеты, встречаемые в народных литературах и у других мусульманских народов, 2) нескольких десятков кратких рассказов, анекдотов, повестушек на темы, преимущественно, о глупцах и о женском коварстве,—интересные

¹⁾ Не будучи сам яфетидологом, я, конечно, везде подхожу к талышам, как к иранцам, и их языку, как к чисто иранскому наречью,—предоставляя впоследствии яфетидологам-специалистам использовать мои материалы, когда они будут напечатаны, с точки зрения своей науки.

по подробностям талышского быта, 3) поговорок, пословиц, 4) рассказов на темы из современной жизни (напр., о засухе этого года, об организации в одном селении комсомольской ячейки, о земледельческих работах, о появлении весной прошлого года тигра в четырех верстах от Ленкорана и т. п.), 5) материалов для грамматики талышского языка и талышско-русского словаря, 6) около сотни четверостиший «махне» и 7) записей пастушеских сюжетов-тем, воспроизводимых наивными мелодиями пастухов-горцев (т. наз. галованов или галышей), играющих на камышевых флейтах (нейля, лейна). Записанные мною «махне» представляют собой форму, излюбленную и в других иранских диалектах и очень распространенную в Персии. Это—четырёхстрочные строфы, каждый стих которых состоит из 11 слогов; иногда, впрочем, число слогов в отдельных строках бывает 12 и 13, а иногда не доходит до 11, что, быть может, объясняется плохой памятью передатчиков и невольным искажением ими отдельных стихов. Обычно рифма проходит в 1-й, 2-й и 4-й строках, тогда как 3-я ее не имеет, как и в литературных персидских четверостишиях, т. наз. «робаяят». Повидимому, эта стихотворная форма восходит к далекой древности,—именно к древнейшей части Авесты, к одной из групп, так наз. «гат». Талышские «махне» принадлежат к любовной поэзии, отличаются большой свежестью и непосредственностью чувства; сравнения и образы отличаются реальностью и заимствуются из окружающих талыша природы и быта. Юноша и девушка воспевают радость свидания, красоту возлюбленной или возлюбленного; говорят о горечи разлуки, муках ревности, измене, бросают вызов клеветникам и сплетникам и т. д. Иногда отношения влюбленных изображаются в диалогической форме. Часто в песнях фигурируют «братец» и «сестрица», связанные глубоким нежным чувством. Записанные мною «темы» пастушеских мелодий также отражают примитивный, близкий к природе быт пастухов-горцев и несложное содержание их повседневной жизни,—например: пастух сидит на камне, играет на флейте, внезапно появляется волк; пастух взывает о помощи к своей верной собаке (банака); или,—пастух бродит со своим стадом овец, вдруг одна из них падает со скалы и ломает себе ногу,—и музыка изображает горестные чувства пастуха; или,—сестра с братом пасут стадо, подкрадывается шахсеван и внезапно похищает девушку; она умоляет похитителя позволить ей сыграть на флейте, играет призыв о помощи к брату, который ее слышит и спасает. Вот еще одна тема: пастух с далеких гор попадает в Ленкоран, город богатый, «с красивыми домами», но ему вспоминаются его родные горы, становится тяжело на сердце, и его флейта изображает его переживания; и т. д.

Остановлюсь теперь вкратце на вопросах о численности талышей и о границах их распространения, как в пределах советского Азербайджана, так и соседней Персии, а также на вопросе о талышах-суннитах.

В пределах АССР талыши занимают южную часть Ленкоранского уезда; с севера они граничат с тюрками, причем граница проходит приблизительно по реке Виляж-чай; но таковой границей эта река является не

на всем своем протяжении, а, главным образом, в среднем течении, тогда как в нижнем ее течении тюркские населения перешли на ее правый берег, доходя до Кумбашинского «мордова» (болота-озера). Западную границу распространения талышей составляет в главных чертах, но не везде, Талышинский хребет, составляющий здесь и государственную границу: в самой западной, вдающейся в Персию, части Ленкоранского уезда талышские населения не доходят до главного хребта, отделяясь от него тюркскими; на юге талышское население вплотную подходит к р. Астара-чаю, государственной границе с Персией. В указанных пределах по довоенной статистике (Кавказ. Календ. 1915 г.), весьма несовершенной, числилось 67.552 чел. в 297 поселениях, без Ленкорана. Новейшие статистические данные о Талыше,—именно перепись АзЦСУ 1921 г., тоже крайне несовершенны. В Ленкоранском уезде было переписано всего 46 сельских обществ, из которых,—в северной, отчасти северо-западной и крайне западной части уезда, в 24 сельских обществах, которых я перечислять не стану, население показано исключительно тюркским (и в небольшом числе—русским); в 4-х сельских обществах талыши составляют незначительное меньшинство (в Болгаринском сел. общ.—4 селения, в Перебельском, Масалинском и Шилавангском—по 1). Но далее к югу талыши идут сплошной массой, а тюрки либо составляют незначительное меньшинство (в Аркеванском сел. общ.—1 сел., в Борадигинском—3, в Кызылаварском—3; в Порнаимском—1, в Шингадуланском—2), или же их вовсе нет. Сплошь талышских сельских обществ—16: Джиль, Арчеван, Путасар, Сютамордов, Ферматук, Гирдани, Рво, Рудакенаруд, Тенгеруд, Вери, Зенони, Келевез, Лерик, Мистан, Оранд, Сори. Перепись происходила в год еще не затихшей гражданской войны, и 44 селения остались не переписанными, главным образом на низменности к югу от Ленкорана (сел. общ. Тенгеруд, Путасар, Арчеван); 25 селений отмечены разрушенными, главным образом в горной полосе (сел. общ. Вери, Зенони, Келевез, Лерик, Мистан, Оранд, Порнаим),—и их обитатели, возможно, или совсем не были переписаны, или же оказались в числе жителей тех селений, в которых они укрылись. За этими исключениями, общее число талышей по переписи составляет 66.683. Данные переписи мало заслуживают доверия, как мне пришлось не раз убеждаться. Например, сел. Борадигя показано тюркским, между тем я в нем записывал талышские тексты от мальчиков школьного возраста. Часто селения, лежащие на торных путях, могут с первого взгляда произвести впечатление тюркских: тюркский язык господствует на базарах; и некоторая часть населения, особенно связанная с торговлей, является тюркской,—но сплошь и рядом вы можете встретить талыша, который назовет себя тюрком, а потом окажется, что у себя в доме, в семье, он говорит только по-талышски. Правда, большинство талышей свободно владеют тюркским языком,—но этого нельзя сказать о женщинах, особенно в глухих лесных и горных местностях, не знающих тюркского языка. Имеются до сих пор в глухих углах и целые группы населения, незнакомые с тюркским языком, что мне и подтверждали и ленкоранцы,

видевшие их представителей на своих базарах. Несмотря на преобладающее, как будто, двуязычие, я лично не склонен считать талышей «двуязычным» народом, и нахожу, вообще, такое «двуязычие» психологически трудно допустимым: несомненно, определяющим должен быть язык семьи, язык матери и женской половины населения, воспринимаемый с самого раннего детства. Таковым является талышский, тюркский же—талыш усваивает уже в более позднюю пору своей жизни. При последующих переписях АзЦСУ следовало бы обратить на это серьезное внимание и, во избежание ошибок, относить к талышским селениям все те, в которых языком семьи является талышский. К упомянутой цифре 66.683 следует прибавить несколько тысяч талышского населения Ленкорана, этого естественного центра советского Талыша, распространяющегося от города приблизительно на равные расстояния в направлении севера, юга и запада. Общее число жителей Ленкорана около 12.000 (11.953); население города и теперь, как и раньше, огульно признается тюркским; но это не совсем верно, если принять во внимание тесную связь части ленкоранцев с талышами окрестных сел; даже в местных интеллигентных семьях иногда слышится талышская речь. Итак, учитывая вышеприведенные недостатки и пропуски переписи, общее число талышей советского Азербайджана, мне кажется, можно принять приблизительно в 80.000 чел., живущих приблизительно в 350 селениях и отселках и частью в Ленкоране. Если сравнивать цифры населения талышского и тюркского по последовательным переписям (начиная с посемейных списков 1886 г.), можно прийти к заключению, что талыши несколько не вымирают, что число их прогрессивно возрастает, не уступая в этом отношении туркам, и что процентное отношение между обоими племенными группами в Ленкоранском уезде не изменяется, и это несмотря на невольную тюркизацию, которой подвергаются неимеющие своей письменности талыши, вынужденные в школах и административных учреждениях пользоваться тюркским языком. Талыши отнюдь не производят впечатления народа регрессирующего или вымирающего; наоборот, в этот свой приезд я мог констатировать, по крайней мере на низменности, на которой живет их преобладающая часть, заметный прогресс материального благосостояния; в селениях, например, заметно увеличилось число кирпичных строений, многие из которых не уступают ленкоранским домам; хорошо построены и строятся кое-где новые мечети,—и все это несмотря на сильно затронувшую край гражданскую войну.

На путешественника, знакомого подобно мне с Персией, Талышский край производит впечатление персидской прикаспийской провинции. Он теснейшим образом связан географически, этнически и культурно с персидскими прикаспийскими областями,—Гилян и Мазандераном; предполагаемая ак. Марром яфетическая подпочва, быть может, отчетливо выявится лишь в результате последующих детальных изысканий специалистов по яфетидологии. Политическая граница по р. Астаре и вдоль Талышского хребта пересекает компактную массу талышей, протянувшуюся далеко

на юг по берегу Каспия, а также по горам и плоскогорьям, его окаймляющим. Какова же картина расселения талышей в Персии и какова их численность? Мы этого, к сожалению, еще не знаем. Лучшие исследователи южных прикаспийских областей (в 60-х годах прошлого века), акад. Дорн и Мельгунов, ничего определенного нам об этом не сообщают. Работа Мельгунова по описанию южного побережья Каспия содержит много детальных и ценных данных, но этот исследователь не задавался целью выяснить границу языков талышского и гилеки по побережью, с одной стороны,—и границу талышей и тюрков в персидском Азербайджане, с другой. В виду отсутствия в Персии статистики, эти вопросы смогут быть освещены лишь путем посылки специальной экспедиции. Пока же приходится ограничиться случайными расспросными сведениями, что я и делал. Моими осведомителями были люди, лично изъездившие по своим делам побережье до Энзели, знакомые также и с прилегающими горными округами и, вместе с тем, настолько владевшие талышским языком, что они могли даже уловить диалектические отличия. По их словам, вдоль моря на юг талыши распространяются до Капирчала (Кепричала), который составляет границу языков талышского и гилеки, и занимают персидские округа Астара, Чилаванд, Кергери (Керганруд), Асальм и Талышдолаб,—до границы с Энзели. На юг от Кергери, в Асальме и Талышдолабе, талышский язык, по их словам, сильно отличается от того, который господствует к северу, включая и советский Талыш. Но несмотря на отличия, все же, человек, знакомый с талышским наречием Ленкорана, может свободно объясниться по всей прибрежной полосе почти вплоть до Энзели. В горной полосе, окаймляющей побережье, распространение талышей к югу не заходит так далеко, как по берегу, и там они скорее начинают смешиваться с гилянами. Главные талышские селения этой полосы—Туларуд и Рек (богатое селение); гилянце же в этой полосе живут в округах Масула, Чаршамбабазар, Пейшамбабазар, Гаскере и Фомене. В горах и на плоскогорье от Зуванда к Ардебилю есть ряд талышских селений: Амбаран, Кюлеш, Джеид, Пилечай, Делидаш, Кюльтепе, Сарыханлы, Дохюльтепе. Везде население чисто талышское и лишь в Сарыханлы оно смешано с тюрками. В округе Халхал талыши называются по имени округа—халхалцами.—О числе талышей в Персии можно только делать предположения. На мой вопрос мои осведомители давали самые разнообразные ответы: одни говорили, что персидских талышей больше, чем на нашей стороне, другие,—что их ни в коем случае не меньше; третьи,—что их всего 25-30.000. В очень устарелой (1868 г.) работе Мельгунова приводятся некоторые цифровые данные,—для округа Асальма 4240 чел., для округа Керганруда (Кергери) 41.380 и до 5.000 семей кочевников, приходящих на яйлаки из Мугани. Но по его же словам, уже в Асальме талыши живут смешанно с гилянами, в Керганруде, будто бы, тоже, и, кроме того, там он отмечает еще тюрков, переселившихся из Ардебильского и Халхалского округов; выделить из этих общих цифр талышей не представляется возможным. Если данные моих осведомителей о распространении талышей в округах Кер-

ганруд и Асалым верны,—то для этой низменной полосы пришлось бы численность талышей принять, для наших времен, едва ли менее 40-50 тыс. Из горных местностей, населенных талышами, мои осведомители мне отмечали как очень населенный округ Пилечай (несколько тысяч домов). Таковы мои случайные данные, создающие впечатление, что в Персии живет еще довольно компактная масса талышей в несколько десятков тысяч,—и тогда обычную численность этого народа можно принять во всяком случае значительно превышающей сотню тысяч.

Самая южная часть Ленкоранского уезда имеет значительное суннитское население; мне перечисляли до 25 таких селений. Главное из них,—Тенгеруд,—я посетил сам. Яйдагом суннитов называли мне местность Би. Численность суннитов по переписи 1921 г. установить нельзя. Как я выяснил, в этом суннитском углу Талыша и наречие имеет некоторые, правда небольшие (главным образом фонетические), отличия от обще-талышского языка, понимая под последним язык остального Талыша. Далее, я выяснил, что во многих суннитских селениях (мне называли определенно до десяти) имеются переселенцы (во 2-м и 3-м поколении) из Персии, преимущественно из прибрежной полосы,—округов Керганруда, Асалыма, а также из Талышдолаба; эти переселенцы частью еще сохраняют особенности своего диалекта, частью же уже смешались с остальным населением. Чем было вызвано их переселение и не являются ли остальные сунниты Астаринского округа такими же переселенцами из Персии, но только более древними, вопрос, требующий особого выяснения. Отмечу, что в персидском Талыше имеются значительные суннитские группы; таковы селения Амбаран, Аминджан, Джеид, Мизран, Минавар, Куляш. В Пилечайе сунниты живут смешанно с шиитами. В Наминском округе сельское население сунниты, в самом же г. Намине—шииты. Отмечу далее, что по данным Мельгунова большая часть Асалымского округа населена суннитами, в округе же Керганруд гилеки (гилянцы), которых он там находит, шииты, а талыши сунниты.

Объясняются ли отмеченные особенности языка суннитов каким-нибудь этническим субстратом, т. е. не следует ли искать в талышах-суннитах посторонней этнической примеси? Этот вопрос требовал бы освещения, и мне кажется, должен быть поставлен в связь с происхождением и этимологией слова Талыш, с одной стороны, и с вопросом о происхождении суннитских групп, сохранившихся в прилегающих частях персидского Талыша, с другой. В слове Талыш мы вероятнее всего имеем название какого-нибудь племени, древнейших обитателей этих мест. Акад. Марр высказывает предположение, что в термине Тал, Дал—сохраняется переживание племенного названия далеев (Dalla), населения области, известной по VIII походу Саргона.—С другой стороны, отметим, что прежние исследователи этих областей (Ходзько, в работе о Гиляне, Мельгунов), повидимому исходя из персидских исторических свидетельств, видят в талышах турецкое племя, происходящее из Средней Азии, входившее в состав монгольских армий и получившее талышскую область как бы в ленное владение. Ходзько даже сообщает, что «гилянские талыши» говорят на восточно-

турецком наречии, а население их деревень сохранило свое родное наречие, которое Ходзько считает одним из наиболее благозвучных наречий языка гилеки (очевидно Ходзько имеет ввиду язык собственно талышский). Мельгунов, как мы видели, противопоставляет в округе Керганруде талышей-суннитов—гилянцам-шиитам.

Версия о появлении талышей лишь после монголов должна быть оставлена. Насколько мне помнится, уже у арабских географов-историков конца IX века (Якуби) есть упоминание о талышах. Вероятнее всего предположить, что захватившие талышский край турки (тюрки) составляли небольшую группу, объединенную родовым началом и возглавляющуюся одним или несколькими предводителями (родоначальниками ханов талышинских), которая получила имя покоренного народа талышей*) и затем мало-по-малу частью смешалась с другими тюркскими племенами персидского Азербайджана, потеряв свое имя,—частью же растворилась в талышском народе и усвоила его язык, на котором говорит с легкими фонетическими особенностями, но сохранила свое суннитское вероисповедание, принесенное из Средней Азии. Нельзя ли поставить в связь с этим предположением о растворении в талышской среде тюркской племенной группы также и отмечаемое некоторыми исследователями Талыша различие физического типа его обитателей,—более смуглого у обитателей низменности и лесов и несколько более светлого в горных и безлесных частях. И этот вопрос, как и предшествующий, мною здесь только ставится, но разрешить его, конечно, сможет лишь всестороннее изучение Талыша во всех его частях, на всем протяжении.

Перехожу к «дережам». По собранным мною сведениям, это ничтожная племенная группа (всего семей 30), до последнего времени полукошачья, зимовки свои имела в т. наз. Рвинском лесничестве, к западу от Ленкорана, в Миянху, приблизительно между сел. Гуйнагером и Гагероном, кочевки же под Кыз-юрды. В последние годы дережи уже не делают регулярных перекочевок, а живут летом разбросанно в горах в районе селений Чайруд, Сиов, Хамуат, Джони, Тули. Дерези—шииты, выходцы из персидского Талыша из местн. Лисар, округа Керганруд (Кергери), где до сих пор имеются их ханы (Рашид хан, Хусейн Али хан, Шир Али хан, Агаджан бег). Раньше дережей в наших пределах было больше и они отличались зажиточностью; теперь же это быстро исчезающий народец. Говорят они на талышском языке, но на особом наречии. Дерези диковаты, плохо знают счет деньгам; на кочевках живут в шалашах из веток, а не в крытых войлоком «алачихах», как остальные талыши—скотоводы; женщины дережей ловко лазают по деревьям и рубят сучья. Даже скот дережей отличается дикостью. Таковы собранные мною сведения. Розыскать дережей, ввиду их малочисленности и разбросанности, не было легко и лишь случайно в селении Боради, близ Хамуата (Хамарата) я встретил одного их представителя, который жил в батраках у одного сельчанина. Сделан-

*) На это как будто есть указание у Ходзько: l'émir Tchouhan avait donné le nom de Talyche à un de ses fils (le Ghilan. p. 83).

ные мною от него записи показали, что он говорит на особом наречии талышского языка, которое, впрочем, по его собственному заявлению, он уже забывает.

В суннитской части Астаринского района, близ селения Сарах, я встретил представителей т. наз. «чарожей». Они оказались тоже талышами, но суннитами, выходцами из персидского Талышдолаба, такими же кочевниками, как и дережи; кишлаки их находятся в Тенгерудском районе, а яйлаки в горах выше Торади. По-тюркски они совсем не понимали. Про них мне рассказывали, что у них свои обычаи (между прочим свадебные), но они это отрицали. Я записал несколько образцов их речи, которая оказалась талышским диалектом.

Скажу в заключении несколько слов об истории изучения талышского языка и дам его краткую характеристику.

Литература о талышском языке невелика. Талышских текстов издано всего лишь две сказки с русским переводом (в 20-м томе Сб. мат. для опис. местн. и плем. Кавказа) да десятка полтора кратких песенок (четверостиший) в «Specimens of the popular poetry of Persia»—Ходзько. Если мы присоединим сюда маленький (в несколько строчек) талышский рассказ, который мы находим в «Aspria» Dorn'a (стр. 218), то перечень напечатанных талышских текстов будет пожалуй исчерпан. Грамматических очерков языка существует на русском языке два, очень устарелых и совершенно неудовлетворительных: Березина,—в его «Recherches sur les dialectes persans» (1854 г.) и Риса в 3-м т. Зап. Кавк. Отд. Р. Г. О. в 1855 г.

Известный академик Дорн, совершая свое научное путешествие по южному Прикаспию в 1860 г. в числе других прикаспийских языков занимался и талышским, во время своего пребывания в Ленкоране. Он добыл довольно значительный лингвистический материал,—именно, перевод на талышский язык рассказов некоего муллы Абдуллы, талышские стихотворения муллы Исмаила и русско-талышский словарь, составленный Ибрагим беком; кроме того, по поручению Дорна в Ленкоране некий Козицкий переводил на талышский язык тексты, данные ему Дорном; совместно с Ибрагим беком «из Талыша» Дорн составил основы талышской грамматики. К сожалению весь этот материал не был разработан и опубликован и должен храниться в недрах Азиатского Музея Академии Наук. При составлении очерка прикаспийских наречий, в том числе талышского, для «Grundriss der iranischen Philologie», Geiger принужден был пользоваться только устарелыми работами Березина и Риса и очень немногими вышеуказанными текстами. Плохое качество работ его русских предшественников и крайняя скудость материалов, записанных большей частью арабскими буквами, не могли не отразиться в сильной степени и на очерки Geiger'a. Охарактеризую вкратце работы по талышскому языку этих трех лиц.—Хотя Березин и утверждает, что изыскания его по иранским диалектам явились плодом личного изучения их, но по крайней мере из его очерка талышского языка этого вовсе не видно. Редкое талыш-

ское слово у Березина не искажено в такой сильной степени, что его трудно узнать; всякий, хоть несколько знакомый с этим наречием, никогда не сможет употреблять талышских слов в формах, противоречащих самым основным правилам талышской фонетики.—а между тем мы это именно сплошь да рядом встречаем в маленьком словаре, приложенном к работе Березина. Повидимому единственным литературным источником, которым он пользовался, послужили те 15 талышских стихотворений, какие были записаны Ходзько и притом арабскими буквами. Песенки же эти представляют любопытную смесь форм ново-персидского литературного языка с талышскими и являются поэтому весьма сомнительным материалом для грамматики. Самые важные отделы грамматики у Березина совершенно неразработаны, и грамматические формы искажены до неузнаваемости. Особенно же много искажений мы находим при изложении талышского глагола, которого Березин совершенно не понял.—Очерк талышской грамматики Риса тоже очень не полон; глагол у него разработан чрезвычайно поверхностно; многих времен мы совсем не находим, другие же перепутаны. Но в работе Риса мы не находим все же стольких искажений и прямого фантазирования, как у Березина. Рис, к своему счастью, не был знаком с трудом Березина, вышедшим годом раньше; он пользовался, между прочим, рукописью, составленной для Ханькова одним ленкоранским муллою Али Экбер Захидом, заключавшей в себе словарь и несколько восточных повестей и сказок с персидским переводом.—Перехожу к Гейгеру. Кроме упомянутых мною работ он пользовался извлечениями из рукописи, № 932, Петербургской университетской библиотеки, заключавшей талышский словарь и тексты,—возможно тою же, что и Рис.—Гейгер, насколько ему позволяли материалы, не основанные на научной фонетической записи, разработал довольно подробно талышскую фонетику и учение о флексиях, поставив талышский язык в связь с другими иранскими прикаспийскими наречиями (гилеки, мазандерани, тат, семнани), но даже из очерка Гейгера можно усмотреть, что талышский язык часто занимает особое положение, роднящее его с западно-иранскими (курдскими) наречиями, между тем, как фонетические и морфологические особенности неоднократно объединяют гилеки и мазандерани. В морфологии у Гейгера множество ошибок, особенно там, где он пользуется Березиным. В описании глагольных форм Гейгер недалеко ушел от своих предшественников, и можно сказать, что этот отдел у него почти не разработан; мы даже не находим у него сколько нибудь полных парадигм спряжения, какие приведены для мазандерани и гилеки.

Таково состояние изучения талышского языка в данный момент. Постараюсь на основании собранного мною материала и, разумеется, в виде предварительного пока изложения, охарактеризовать талышский язык с грамматической стороны. Его лишь весьма условно можно назвать наречием ново-персидского языка. Лучше называть его более общим термином иранского наречия, так как и в вокализме и в консонантизме, особенно же в образовании глагольных форм он весьма отличается от

современного (ново-персидского) языка и сохраняет немало архаических и своеобразных черт. В вокализме следует отметить характерную неустойчивость кратких гласных («ы», «е», «і», звук, соответствующий франц. «eu»), не всегда различимых в произношении, особенно в суннитских селениях южной части Ленкоранского уезда. Долгому персидскому «а» в талышском соответствует «о»; долгому «у» — звук выражаемый французским «ц»; долгое «і» и краткое «а» сохранилось; краткие персидские «і», «е», «у» переходят в талышском языке чаще всего в «ы» (жирокое «і»). Есть случаи сохранения «яйе маджхуль». В консонантизме любопытно повидимому полное отсутствие звука «ф», встречающегося лишь в словах заимствованных или в исходе слов. После «п», «т» и «к» слышится придыхание более или менее сильное. «Ш» и «с» иногда заменяют друг друга. Начальное «в» (персидское «б» и «г») сохранилось во многих словах и в глагольной приставке «ві» (персид. «го»). Звук «ж» (из авест. «j» и из иракского «ч») сохранился хорошо, отчасти так же как иранское «з» (персид. «д») и «с» (персид. «h»). Начальное «х», «хв» ослабляется; в «h»; «р» и «д» в конце слова отпадают; «д» между гласными выбрасывается; в середине слова не терпится «р», которое сохраняется лишь в сочетании «ар». Конечное «б» переходит в «в», и «ф»; и «х» и «ф» перед «т» выпадают. Скопления гласных талышский язык избегает, допуская, главным образом, лишь группы согласных с плавными и носовыми. Благодаря отмеченным фонетическим особенностям, склонности к стяжению слов, отсутствию скопления согласных — талышские слова отличаются краткостью и благозвучием. Из грамматических форм отмечу абсолютное отсутствие персидского изафета; определяющее всегда предшествует определяемому, а прилагательное существительному, причем прилагательное принимает окончание «а». Остатки падежных флексий сохранились в суффиксе «і» (casus obliquus) и «о». Падежи образуются с помощью предлогов «чы», «ба», «бо», «ды» и послелогов «ку», «ада»; своеобразно образование сравнительной степени использованием слова «са» (голова). В образовании числительных порядковых наряду с иранским суффиксом проник и тюркский (мінджи). Сохранилось в именит. падеже личное местоимение 1-го лица — «аз», — сближающее талышский язык с авестийским. Талышские глаголы в большинстве случаев образуют времена или от неопредел. наклонения или от основы, получаемой отбрасыванием окончания неопредел. наклонения — «е», или, наконец, от причастия прошед. времени на «а». Лишь в очень немногих глаголах можно предположить другую основу, остатки древнего образования настоящ. времени. Основа прошед. времени почти вытеснила основу настоящего времени. — Отлично от ново-персидского языка образуется принудительный залог. При спряжении различаются глаголы с переходным значением от глаголов непереходных; в прошедшем времени первые всегда конструируются страдательно (я сделал — мною сделано), — чего мы не имеем в языках гилеки и мазендерани. Своеобразно образование настоящего и прошедшего несовершенного времен из неопредел. наклонения с послелогом «да» и глаг. суффиксами. По моим

материалам, можно, применительно к временам ново-персид. языка отметить в талышском еще следующие времена: прошедшее-настоящее, давно-прошедшее, аорист, два времени в условных предложениях при неосуществившемся условии, особые формы для optativ'a, для выражения намерения, долженствования,—наконец, форму герундива, в которой, б. м., можно усмотреть влияние тюркского языка,—две формы причастия. Далее следует отметить особенности отрицательного спряжения—свободу в постановке отрицания; или позади глагола, или впереди него. или же, наконец, между глагольной основой и суффиксами. Тюркское влияние можно отметить и в некоторых словообразовательных суффиксах. Особенность талышского языка составляет также довольно значительное количество совершенно оригинальных (и весьма употребительных) глаголов, каковых не имеется в современном персидском языке, и которые мне удастся отождествить вероятно лишь после детального сопоставления с глаголами других иранских наречий, преимущественно западного Ирана.